Ф.Батлер (США, Беркли)

Герой и звери: два мотива древнегерманского эпоса в "Слове о полку Игореве"*

В статье, опубликованной в 1955 г., американский ученый Ф.П.Магун выделил постоянно повторяющийся мотив в англо-саксонской поэзии, который он назвал "Звери боя". Он описал этот мотив, как состоящий из "упоминания волка, орла и ворона как зверя и птиц, присутствующих на месте резни" и заметил, что не в каждом примере темы все эти животные появляются[1]. Другой такой мотив был выделен Д.Крауном. Он был назван "Герой на берегу" и описан, как состоящий из "1) Герой на берегу, 2) со своими вассалами, 3) в присутствии сверкающего света, 4) в конце (или в начале) похода"[2]. С тех пор, А.Ренуар, Д.К.Фрай и другие установили, что этот мотив присутствует в германских поэтических традициях, кроме англо-саксонской, и что "дверь" или любая другая символическая граница между двумя мирами может заменить берег в парадигме Крауна[3]. Хочу привести доводы, что мотивы "Зверей боя" и "Героя на берегу" присутствуют в "Слове о полку Игореве".

Первое проявление "Героя на берегу" в "Слове" находится в описании решения Игоря отправиться против половцев: "Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своеи: "Братие и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на своѧ бръзыя комони да позримъ синего Дону". Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. "Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами русици, хощу главу свою приложити,

---

* Текст статьи представлен и отредактирован А.Н.Робинсоном.

а любо испити шеломомь Дону"[4].

Здесь присутствуют все элементы парадигмы Крауна: I) Герой желает посмотреть на Дон и пить из него, что он может сделать только на берегу. К тому же, конец Половецкого поля является границей между его родной землей и чужим миром его врагов[5]; 2) вассалы (дружина) упоминаются; 3) элемент сверкающего света проявляется, хотя в довольно странном виде. Солнце называется "свѣтлое", но по интерпретации этого места можно заключить, что солнце излучает тьму[6]. На поэтическом уровне можно принимать упоминание затмения солнца, которое произошло I мая II85 г. во время похода Игоря против половцев, как предзнаменование поражения: князь будет так же полностью, но временно, затемнен, как и солнце; 4) герой готовится к походу.

После этого места есть второе упоминание затмения солнца: "Тогда вступи Игорь князь въ злать стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въста... Игорь к Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орлы клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чрьленыя щиты. О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!" (46).

Здесь опять упоминаются герой, вассалы и поход. Несмотря на отсутствие явного упоминания берега, словосочетание "къ Дону" указывает не на то, что войска войдут к реку или перейдут ее, а на то, что они к ней подойдут. Чтобы это сделать, им придется выйти на берег. В своей статье, Д.Краун пишет: "Мотив "Героя на берегу" часто предшествует описанию (или упоминанию) места резни, в котором используется мотив "Зверей боя""[7]. Здесь волки и орлы (упомянутые Ф.П.Магуном животные) вместе с лисицами готовятся к грядущей резне. Д.Фрай заметил, что "звери боя" "обычно следуют за побеждающим до боя, а нападают на побежденных после него"[8]. В рассматриваемом от-

рывке текста, если мы принимаем его в буквальном смысле, звери уже до боя следуют за тем, кого ждет поражение. Но, как доказывает Б.М.Гаспаров, упоминание затмения до отправления указывает на то, что Игорь и его дружина уже в мифологическом плане разгромлены[9]. Предвещая этот разгром, звери уже, в некотором смысле, нападают на побежденных. Восклицание "О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!" можно воспринимать как еще одно доказательство, что русские уже пересекли символическую границу и вошли в мир тьмы и смерти.

Мотив "Героя на берегу" проявляется опять в описании войск, расположенных на ночь на поле сражения: "Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрълныи воронъ, поганыи Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому. Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго. О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!" (47).

Здесь русские - "Ольгово гнѣздо", завершив поход, ждут боя на берегу. Обычно считается, что четыре солнца обозначают четырех князей, участвующих в походе[10]. Итак, герою (Игорю) и трем его главным вассалам придано сходство с объектами, излучающими свет. Эти объекты опять будут затемнены, в этом случае надвигающимися тучами.

Отождествление половцев с воронами соотносится с замеченной Д.К.Фраем связью между зверями и победителями.

Вышеуказанные проявления парадигмы "Героя на берегу" следуют довольно быстро друг за другом. Они относятся к тому же герою, походу и берегу, тем же вассалам, и предвещают то же поражение. В каждом

случае сверкающим светом является солнце (или солнца), подвергшееся влиянию тьмы.

Еще одно выполнение парадигмы Крауна (ретроспективное описание того же поражения) отражено в речи бояр великому князю Святославу: "Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколама крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ, тъмою ся поволокоста" (50, 51).

Полет соколов является реминисценцией похода к полю сражения; два солнца означают Игоря и брата его Всеволода, которых можно воспринимать как пару героев. Б.М.Гаспаров убедительно предполагает, что два багряных столпа означают Святослава Рыльского и Владимира - племянника и старшего сына Игоря, а два месяца - Олега и Святослава, двух младших сыновей Игоря, которые, на символическом уровне, делят судьбу с отцом[11]. Таким образом, столпы и месяцы можно воспринимать и как сверкающие объекты и как вассалов князя. Намек на присутствие берега отмечается дважды: упоминание утоления жажды водой из Дона и движение в сторону моря.

Последний пример "Героя на берегу" в "Слове" можно найти в описании возвращения Игоря на Русь: "Солнце свѣтится на небесѣ - Игорь князь в Рускои земли. Дѣвици поютъ на Дунаи - вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. Страны ради, гради весели" (56).

Самый побег князя является завершенным походом, а девиц на Дунае можно условно считать вассалами. На этот раз солнце не затемнено: возвращение его света совпадает с возвращением героя.

Дополнительное указание на присутствия мотивов "Героя на бере-

гу" и "Зверей боя" можно найти в тексте пространной редакции "Задонщины". Первое интересующее нас место в этом произведении близко походит на первый вышеуказанный пример "Зверей боя" в "Слове". Но в отличие от этого примера, он предвещает резню не русских, а их врагов, то есть татар: "А уже бѣды их пасоша птицы крылати под облак лѣтят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орлы хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костѣх брещут"[12]. Интересно здесь отметить присутствие воронов, упоминаемых в парадигме "Зверей боя", которые отсутствуют в соответствующем отрывке "Слова".

Первый пример "Героя на берегу" в "Задонщине" похож на приведенное выше описание отправления Игоря в поход: "Тогда князь велики Дмитреи Иванович воступив во златое свое стрѣмя и взем свои мечь в правую руку и помолися богу и пречистои его матери. Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя. Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимеръ Андрѣевичъ полки пребирает и ведет к великому Дону" (537).

Здесь солнце светит на великого князя Димитрия, пока двоюродный брат Димитрия - князь Владимир - ведет вассалов к реке. Таким образом, элементы "Героя на берегу" разделяются между двумя героями. Д.Краун пишет о "Герое на берегу", что "время этого действия обычно - рассвет, но упоминание времени иногда отсутствует"[13]. В рассматриваемом отрывке солнце находится на востоке, что указывает на раннее время дня. Поскольку в "Задонщине" рассказывается о победе, а не о поражении, небо не затемняется.

Еще один пример "Героя на берегу" в "Задонщине": "Того же дни в суботу на рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речьке Напрядѣ. И ... князь великии Владимеръ Андрѣевичь гораздо искакаше во полцех поганых в татарских, а сла-

ченым тым шеломом посвѣчивает, а скакаша со всем своим воиским" (539).

Опять мы видим героя, берег, вассалов и сверкающий объект[15]. Последний, в этом случае не солнце, а шлем героя. Вскоре после этого упоминается поход: "И тогда аки соколы борзо полѣтели. И поскакивает князь великии Дмитреи Ивановичь с своими полки и со всею силою" (539).

Как хищные птицы, соколы здесь походят на упомянутых Магуном орлов и воронов. В двух соответствующих отрывках из других сохранившихся списков "Задонщины" упоминаются орды вместо соколов, что указывает на близость символических значений этих двух видов птиц в древнерусском поэтическом сознании[15]. Так же, как в третьем вышецитированном отрывке из "Слова", где половцы представляются волками и воронами, в этом отрывке "Задонщины" русские как бы становятся соколами, спешащими к месту резни. Стоит заметить, что в обоих случаях проявление мотива "Зверей боя" связано с отождествлением людей со зверями или птицами. Выражение "злаченым тым шеломом посвѣчивает" интересно тем, что оно представляет самого героя как сверкающий (благодаря шлему) объект. Отождествление Владимира с источником света соответствует отождествлению Игоря с солнцем в "Слове". Предполагая, что оба произведения включают элементы, восходящие к древней восточнославянской устной традиции, и соглашаясь с тем, что мотивы "Героя на берегу" и "Зверей боя" присутствуют в них, мы можем заключить, что восточнославянские варианты первого мотива обычно отличаются тем, что герой ассоциируется со сверкающим объектом, и это обычно - солнце[16]. Аналогично, примеры второго мотива часто характеризуются отождествлением зверей с людьми.

Допуская, что мотивы "Героя на берегу" и "Зверей боя" присутствуют в древнерусской традиции, необходимо этот факт объяснить.

Присутствие двух таких мотивов допускает возможность случайного совпадения маловероятной. Возможно также, что эти мотивы, присутствующие также в древнескандинавской традиции[7], вошли в древнерусскую устную и литературную традиции вследствие скандинавского влияния[18]. Но возможно и то, что эти мотивы восходят к общему субстрату - древней индоевропейской культуре. Осветить этот вопрос могли бы исследования рассматриваемых мотивов в южнославянских и западнославянских эпосах. Кроме того, перспективно изучение возможных проявлений двух германских мотивов в славянских произведениях и, наоборот, славянских мотивов - в разных германских произведениях.

1) Magoun F. P. The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1955. Vol. 56. P. 83-90. См. также Neckel G. Die Kriegerische Kultur der heidnischen Germanen // Germanische – Romanische Monatsschrift. Heidelberg, 1915. Jg. 7. S. 17-44; Bonjour A. Beowulf and the Beasts of Battle // PMLA: Publications of the Modern Language Association of America. 1957. Vol. 72. P. 563-73; Bodvarsdottir H. The Function of the Beasts of Battle in Old English Poetry: Ph.D. dissertation. State University of New York at Stony Brook. 1976.

2) Crowne D. The Hero on the Beach: An Example of Composition by Theme in Anglo-Saxon Poetry // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1960. Vol. 61. P. 368.

3) См.: Renoir A. 1) Oral-Formulaic Theme Survival: A Possible Instance in the "Nibelungenlied" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1964. Vol. 65. P. 70-75; 2) A Key to Old Poems: The Oral-Formulaic Approach to the Interpretation of West-Germanic Verse. University Park and London, 1988. P. 96-100; Fry D. K. 1) The Hero on the Beach in "Finnsburgh" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1966. Vol. 67. P. 27-31; 2) The Heroine on the Beach in "Judith" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1967. Vol. 68. P. 168-84; Wolf C. J. Christ as Hero on the Beach in "The Dream of the Rood" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1970. Vol. 71. P. 202-10; Olsen A. H. Guthlac on the Beach. // Neophilologus. Gronigen, 1980. Vol. 64. P. 290-96; Johnson J. D. A Note on the Substitution of "Door" for "Beach" in a Formulaic Theme // Neophilologus. Gronigen, 1983. Vol. 67. P. 596-98; Cherniss M. D. King Harald on the Beach: An Oral-Formulaic Theme in Old Norse Prose and its Implications // Res Publica Litterarium. 1986. Vol. 9. P. 89-100. О значении дверей и воды в древней индоевропейской культуре см.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. ⟶

Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тблиси, 1984. Т. 2. С. 743, 825-26.

4 Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. изд. 2-е. Л., 1967. С. 44. Далее текст "Слова" цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте.

5 О значении берегов и других границ в "Слове" см.: Гаспаров Б. М. Поэтика "Слова о полку Игореве". Wien, 1984 (=Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 12) С. 129-138. Ср. Higley S. L. Aldor on Ofre, or The Reluctant Hart: A Study of Liminality in "Beowulf" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1986. Vol. 87. P. 342-53.

6 О солнце как источнике тьмы в "Слове" см.: Робинсон. А. Н. Солнечная символика в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и исскуства XI-XVII веков. М., 1978. С. 41-42, 48-49; Лихачев Д. С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. изд. 2-е. Л., 1985. С. 262-63.

7 Crowne D. The Hero. . . P. 372.

8 Fry D. K. Themes and Type-Scenes in "Elene" 1-113 // Speculum. 1969. Vol. 44. P. 41. Cp. Bodvarsdottir H. The Theme. . . P. 202-04.

9 Гаспаров Б. М. Поэтика. . . С. 96.

10 См.: Лихачев, Д. С. Коментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. Литературные памятники. М.; Л., 1950. С. 402-403; Творогов О. В. Дмитриев Л. А. Примечания // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. изд. 2-е. С. 486-87; Робинсон. А. Н. Солнечная символика. . . С. 48; Гаспаров Б. М. Поэтика. . . С. 89.

11 Гаспаров Б. М. Поэтика. . . С. 90-93, 145-46.

12 Тексты "Задонщины" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". М; Л. 1966. С. 537. Далее текст "Задонщины" цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте. Указания на раскрытие титлов и восстановление испорченных мест не воспроизводятся.

13 Crowne D. The Hero... P. 368. См.: Робинсон А.Н. Солнечная символика в повестях о Куликовской битве // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 184-189.

14 В соответствующем отрывке из "Слова" (Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. С. 47) отсутствует берег.

15 См.: Тексты "Задонщины" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. С. 544, 547, 555. О трудности установления первичного чтения этого места, см.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков "Задонщины" и текст "Слова о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. С. 204. О сходстве функций орла и сокола в "Слове", см.: Гаспаров Б. М. Поэтика... С. 180, 191.

16 Об отождествлении Игоря и его родственников с солнцем в "Слове", см.: Робинсон, А. Н. Солнечная символика... С. 48.

17 Neckel G. Die Kriegerische Kultur... S. 26-30; Cherniss M. D. King Harald...; Bodvarsdottir H. The Function... P. 12-16, 137-43, 238-40.

18 Среди многочисленных работ о русско-скандинавских отношениях см. например: Varangian Problems. Копенгаген, 1970 (=Scando-Slavica Supplementum I); Ловмянский Х. Русь и норманны / ред. В. Т. Пашуто и др. М., 1985; Славяне и скандинавы / Общ. ред. Е. А. Мельникова. М. 1986.